

Жить в Церкви такой, какая она есть, а не в «Церкви моей мечты»

Интервью диакона Андрея Кураева,
профессора Московской духовной академии,
журналу «Встреча»

Отец Андрей, в 2004 году Вы начали преподавать миссиологию в Московской духовной академии и семинарии. Что, на Ваш взгляд, должно дать будущим пастырям изучение этого предмета?

Я думаю, что одна из неофициальных задач этого курса – напомнить еще раз нашим старшекурсникам, что главное в их жизни – это пастырское служение. Выпускники возвращаются в мир нецерковных людей, а значит, пора напомнить и о том, по каким правилам люди общаются между собой за пределами семинарии. Естественно, я не рассчитываю на то, что все мои слушатели станут профессиональными миссионерами. Миссионер должен уметь сам задавать людям вопросы о вере, провоцировать такие вопросы в них. Не каждый священник это сможет. Но каждый христианин должен уметь отвечать на уже появившиеся вопросы, должен уметь защищать свои святыни. Так что мой курс миссиологии будет с изрядной долей апологетики.

На кого сегодня в первую очередь должна быть направлена миссионерская работа, кто готов услышать проповедь?

Первый фронт – очевиден. Вспомним притчу о добром самарянине: ближний – это тот, кому мы можем помочь сейчас, кто находится рядом с тобой, кто встретился на пути. Здесь не приходится выбирать, ставить для себя особые цели.

Представим и другую ситуацию, что достаточно разносторонний человек, который может найти общий язык со всеми, начинает свое служение в большом городе, и перед ним открыты все двери. При таком редком стечении обстоятельств лучше

идти к тем, кто сможет нести слово дальше, кто по роду своей профессии постоянно общается с людьми – к учителям, журналистам, врачам, социальным работникам, офицерам. Тогда есть надежда на общественный резонанс.

В Евангелии мы слышим о разных полях, которые имеют разную урожайность. *Вышел сеятель сеять. Одно семя упало при дороге, другое на камне...* (Мф. 13, 3-9) Честно говоря, трудно себе представить сеятеля, который так расточителен: это не шаловливый мальчик, который играет, наверняка крестьянин умеет различать земли и знает, куда не стоит трогать зерно. И тем не менее Христос дал очень точную зарисовку палестинского земледелия той поры. Дело в том, что часто в качестве сеятеля использовался ослик, на которого вешали кожаные бурдюки с зерном, и через маленькие отверстия в них семена струйкой падали в землю. Ослика водили по бороздам, а когда его разворачивали у края поля, то, естественно, семена высыпались и на кромку поля, и за пределы. В каком-то смысле мы тоже такие ослики: навьюченные на нас меха с евангельским зерном мы должны не затыкать, но ронять его всюду, где проводит нас под уздцы Рука Божья.

Но человек все же не вполне ослик и в качестве «животного разумного» должен замечать, какое поле приносит больше плодов. Тогда с в случае дефицита семян или нехватки сеятелей он пожалует бросать зерно на асфальт или в солончак, а побольше посеем на черноземе.

Сегодня, при нехватке церковных проповедников, сил и идей, надо возделывать те поля, которые являются наиболее нашими, отзывчивыми. Надо идти на проповедь не к татарам, а к русским. Среди русских – к трезвым русским, а не к пьяным. Из них – к тем, кто умеет отключать свои мозги от телевизора, кто живет не в мире пошлости и сплетен, а способен воспринимать серьезную информацию. И наконец, к тем, кто способен своей жизнью ответить на услышанную весть, а это – свойство молодежи. Вот по этим причинам моя естественная аудитория – это студенчество.

Когда на южных границах Российской империи активно стала развиваться исламская миссия, была создана Казанская духовная академия. Сейчас же взгляды устремлены на Восток, студенты из Китая и Кореи учатся у нас в Семинарии, наши русские студенты отправляются в долгосрочные учебные поездки на Тайвань. Какова сейчас должна быть стратегия внешней миссии?

Пока китайцы составляют меньшинство на просторах Сибири и Дальнего Востока, нужно использовать исторический шанс для того, чтобы китайской диаспоре, просачивающейся в Россию, принести весть о Православии. Необходимо в сибирских и дальневосточных школах рассказывать и прививать уважение к православной куль-

туре в расчете не только на русских детей, но и на маленьких китайцев, буде они сядут за парты российских школ. Для того, чтобы они могли понять стихию России, мало толку рассказывать им о многовековой тяжбе России и Швеции за обладание Ревелем или Нарвой. Это слишком далеко от них, это совершенно не их история. Чтобы жизнь России стала им близка, необходимо, чтобы душа России стала их душой.

Вот что для этого сейчас могут сделать государство и Церковь: давно пора в каждой дальневосточной, сибирской епархии создать храмы, ориентированные на китайскую диаспору. Например, во Владивостоке я видел храм, где возле каждой иконы висит пояснительная табличка с иероглифами, написаны и основные молитвы на китайском. Служба идет на церковно-славянском языке, но и зашедший в храм китаец может что-то понять и не чувствует себя чужим.

Нужны и священники, которые находились бы в постоянном контакте с китайской диаспорой, знали бы китайский язык и культуру, находили бы возможности благовествовать этому миллиарду язычников. Если ты молод и хочешь послужить Церкви, не торопись поступить в семинарию – попробуй сначала получить добротное светское образование. Сегодня более всего необходимы востоковеды, и потому стань арабистом или китаистом, а уже потом с этим знанием приходи на служение Церкви. Овладей церковно-славянским языком и языком богословия – не такая уж сложная задача, два-три года на это хватит. Лучше сначала освоить более сложное, а потом то, что проще: сначала востоковедение, а потом основы православного богословия.

Отец Андрей, скажите, какова, на Ваш взгляд, специфика проповеди среди кавказских народов?

Мне кажется, что нам это дело сейчас не под силу. Нам бы, дай Бог, сначала своих вернуть. Апостол Павел пишет, что *кто не печется о домашних, тот хуже неверного* (1 Тим. 5, 8). Напомню и 45-ое каноническое правило Карфагенского Собора: «Епископы и пресвитеры и диаконы не прежде да поставляются, разве когда всех в доме своем соделают православными христианами». Сначала покажи себя в узком домашнем кругу, докажи, что у тебя есть пастырская забота, а потом иди на общественное служение. Перенеся это на межнациональные отношения, получим, что сначала надо свой народ вернуть к православной вере, а потом уже посмотрим, сможем ли мы проповедовать кому-то еще.

С какими сложностями встречается сегодня миссионер? Известно, что определенные затруднения возникают из-за чиновников, которые противятся преподаванию основ православной культуры в школах.

Я думаю, что главная проблема – это неготовность церковной среды к серьезному миссионер-

惑、但救我們脫離那邪惡者、
 們寬免虧負我們的人、不要讓我們陷於誘
 賜于我等日用之糧、而救免我等罪債、就如我
 國來臨、愿你的旨意承行于地、如于天、求今
 在天我等父、我等愿你的名是圣、愿你的

Молитва «Отче наш», написанная
 рукой Папия Фу, коренного китайца,
 студента Московской духовной семинарии

скому усилию, неготовность содержать того же самого миссионера. Представьте себя на месте выпускника Свято-Тихоновского университета, семинарии или академии, который желает быть приходским миссионером, не будучи священником. Много ли настоятелей согласятся содержать

такого, по их мнению, бездельника, который только транжирит церковную кассу? Встреча с людьми за пределами храма, в школе, в институте – это всегда расходная статья. На приходском уровне надо создать такие условия, в которых молодой миссионер не рассматривал бы свое служение только как временное занятие, которое вскоре придется оставить ради обеспечения нужд собственной семьи.

Из города любая глубинка, село представляется непаханным миссионерским полем. Отправляются миссионерские поезда, создаются плавучие храмы, приезжают в села с благолепным пением, со всей торжественностью богослужения. Как к этому относятся священники, которые служат в глубинке? Возможна такая ситуация, что после этой впечатляющей красоты люди не захотят идти в свой приходской храм, где батюшка не такой ученый и хор из двух бабушек?

Я не раз слышал от священников из глубинки такие отзывы на миссионерский десант: «приехали на деньги московских спонсоров, все чинно, благолепно, собрали сотни людей, покрестили, повенчали желающих, всем раздали иконочки, крестики, книжечки – а мне что после этого делать? Людей у нас в храме совсем немного, а теперь и они в лавке церковной ничего не купят, и треб никаких не предвидится. И храму жить не на что, и за отопление платить нечем!»

Думаете здесь уместны апостольские слова: *да не созижду на чужем основании* (Рим. 15, 20)?

Дело не только в этом. Пусть даже и основания чужого не было, пусть на сотни километров и священника никакого нет. Вопрос еще и в том, насколько серьезно люди, крещенные в поездках, будут относиться к своей вере, было ли вообще обращение, или это только мимолетное отвлечение от серой рутины жизни?

Не могу осудить, сказать, что крестить так нельзя, но считать, что произошло что-то невероятно великое, тоже не стоит. Если миссионер постоянно работает в городе, в какой-то школе или институте, и в результате его лекций один-два человека крестятся, то это не столь ошеломляющая статистика, но я считаю, эти два крещения – более серьезные и дороги, чем отчеты автопробегов о тысячах погруженных в реки.

Сейчас на миссионерском поле России проповедуют не только православные, но и другие христианские конфессии. Принимая во внимание слова апостола Павла: *как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я этому радовался и буду радоваться* (Флп. 1, 18), можно ли сказать, что мы делаем с ними одно общее дело?

О чем говорит апостол Павел? Если человек говорит о Христе не потому, что он желает поделиться своей радостью жизни во Христе, а решает этим какие-то свои задачи и проблемы, то его проповедь не вполне искренняя, не вполне чистая

с точки зрения этической. Но и такой осел везет все же евангельский груз – и потому Апостол одобряет его труд.

Но не стоит эту апостольскую терпимость к мотивам проповеди переносить на содержание проповеди. Есть проповедь Христа и есть проповедь «подделки» под Христа. Тут уже речь не об искренности, а о содержании проповеди: идет ли речь о том Христе, которого знали апостолы, или же о некоем человеческом артефакте под вывеской «Христос». Не думаю, что апостола Павла порадовала бы проповедь гностических аскетов, которые также употребляли имя Христа, но совершенно с другим значением.

Цель миссии – привести человека в храм, но иногда человек останавливается на пороге храма, говоря, что там ничего не понятно.

Все-таки введение человека в храм не является целью миссии, не будем приравнивать Царство Небесное и храм Божий. Что касается непонятности храмовых действий, то об этом можно говорить поразному. В семинарском кругу я могу поразмышлять о том, как можно было бы изменить наше богослужение, чтобы оно было более понятным и оказывало большее воздействие на души людей. Например, исполнять требование Типикона читать поучения на Всенощном бдении. Но, конечно, сегодня эти «уставные чтения» надо брать не из Четых Миней, а из понятных для слушателя источников.

А вот на встречах со светскими людьми поднимать тему возможных перемен в богослужбном укладе не стоит. Задача миссионера – учить человека жить в Церкви такой, какая она есть, а не в «Церкви моей мечты».

Вне зависимости от того, как сам миссионер относится к церковно-славянскому языку, его задача именно как миссионера состоит в том, чтобы привить неопиту понимание этого языка и любовь к нему. И потому я буду искать аргументы, объяснять, почему Церковь предпочитает сохранять столь «архаичные» формы богослужения, эстетику, язык, календарный стиль. Легко было бы сказать: «это устарело, а мы люди передовые и все отменим». Но такое миссионерство было бы «во имя свое», приводило бы людей к себе, а не в реальную Церковь. Если мы ставим задачу не шокировать своей необычностью, а привести человека в Церковь, то нам нужно уметь объяснять все, чем Церковь дорожит.

Не от нас с вами зависят какие-то перемены в церковной жизни, в богослужении. Не надо бросаться что-то менять, у нашего поколения нет на это права. Сначала должна быть воссоздана культура дискуссий и найдена взвешенная аргументация.

Отец Андрей, от Вас как профессора Московской духовной академии во многом сейчас зависит, как будет развиваться курс миссиологии. Будут ли какие-то изменения, есть ли задумки?

Ни для кого не секрет, что курс только зарождается, в готовом виде у меня его нет. Я думаю, что

его нет ни у кого в нашей стране. На детальную разработку любого курса необходимо от 3 до 5 лет, причем не кабинетных размышлений, а практики. Здесь у меня только одна просьба и к студентам, и к коллегам-преподавателям – потерпеть меня. Когда в 1991 году я начинал курс лекций в Московском государственном университете, у меня было достаточно свободного времени, я мог всю неделю готовиться к одной лекции, постоянно думать о ней, держать ее в голове, начитывать литературу. А сейчас постоянно приходится вести практическую миссионерскую работу и времени не остается. Я давно принял решение, что если мне предстоит выбор: либо говорить о миссионерстве, либо встретиться с реальными людьми и говорить о Христе – я всегда предпочитаю второе. Это бывает трудно объяснить, но в моем сознании не укладывается, как можно обидеть реальных людей и сказать, что я сейчас поеду не к вам, а от вас, и там, вдали, буду говорить о том, как с вами работать. За прошлый учебный год я побывал в 115 городах на пространстве от Сахалина до Парижа. В этом году статистика будет поменьше, но все равно каждую неделю будет новый город.

Некоторые студенты Семинарии работают в Миссионерском отделе, ходят в школы, в ПТУ, проводят уроки, беседуют, устраивают концерты – но пока все держится на их инициативе. Как должна быть организована прикладная часть курса миссиологии?

Я мыслю весь курс только как прикладной. Я бы очень хотел, чтобы на разных миссионерских конференциях, съездах, уж тем более на курсах миссиологии людям давали бы конкретные советы: что, как и кому нужно говорить, какие аргументы использовать. В этом смысле меня разочаровала книга Иакова Стамулиса «Православное богословие миссии сегодня», я не нашел в ней ничего полезного для себя. Красивые византийские слова о жизни в Духе Святом, о том, что задача миссионера – вести в Царствие Божие, и прочее... Но вы мне подскажите средства!

Что касается привлечения студентов к работе, возникает много сомнений. Пятый курс Семинарии достаточно загружен, ориентирован на написание дипломной работы. В любом случае, миссионерством можно заниматься только по призванию. Договориться с соседней школой, чтобы семинаристы вели уроки и проповедали – значит экспериментировать на детях, приносить детские судьбы в жертву нашему учебному плану. Я бы вот что мог предложить: каждую неделю я уезжаю из Москвы куда-нибудь с лекциями, и мог бы брать пар тройку ребят с собой, как я уже брал студентов из Свято-Тихоновского университета. Выезд – это примерно 3-4 встречи за день, разная аудитория, семинаристы и мне могли бы помочь, и сами кое-чему научились бы в «полевых условиях».